

Содержание

От редактора

7

Человек из СССР

9

Событие

81

Изобретение Вальса

183

Предисловие В. Набокова
к «Изобретению Вальса»

Перевод Д. Набокова

185

Дмитрий Набоков. Набоков и театр

Перевод А. Бабилова

289

Приложение

I. Письмо В. М. Зензинова и И. И. Фондаминского
к В. Набокову о постановке «События»

(7 марта 1938 г.)

317

II. Письмо Г. И. Гессена к В. Набокову
о постановке «События»

(7 марта 1938 г.)

322

Комментарии

325

От редактора

Настоящий том составили три самые известные пьесы Владимира Набокова, написанные в Германии и Франции в 1926–1938 гг., — драма «Человек из СССР» (1927), драматическая комедия «Событие» (1938) и драма «Изобретение Вальса» (1938). В отличие от «Трагедии господина Морна» (1924) и ранних пьес, включенных нами в сборник «Скитальцы. Пьесы 1918–1924» (в серии «Набоковский корпус»), три последние пьесы Набокова написаны прозой. Они создавались не только для чтения, но и для постановки, с учетом возможностей русских эмигрантских театров того времени. Первые две пьесы были поставлены и имели успех, премьера «Изобретения Вальса», подготовленного к постановке в Париже в 1939 г., была отменена из-за разногласий талантливого режиссера Ю. П. Анненкова с руководством «Русского театра» и начавшейся войны.

Для настоящего издания текст неопубликованной при жизни Набокова пьесы «Человек из СССР» заново сверен с архивным источником, «Изобретение Вальса» впервые публикуется по поздней расширенной редакции 1968 г., в текст «События» внесены исправления, сделанные Набоковым после единственной журнальной

публикации пьесы в 1938 г. Обстоятельное эссе Дмитрия Набокова «Набоков и театр» заново переведено и снабжено примечаниями. В *Приложении* публикуются письма друзей Набокова о постановке «События», посланные из Парижа в Ментону.

Подробнее об истории создания, публикации и постановки пьес Набокова, а также о составе томов, посвященных драматургии Набокова в серии «Набоковский корпус», см. нашу заметку «От редактора» и статью «Изобретение театра» в сборнике «Скитальцы. Пьесы 1918–1924».

Наши комментарии к «Событию» и «Изобретению Вальса» были опубликованы в 2000 г. в пятом томе собрания сочинений Набокова, выпущенного издательством «Симпозиум», дополнены в издании «Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме» (СПб.: Азбука-классика, 2008) и для настоящего издания уточнены, пересмотрены и существенно расширены.

В публикуемых пьесах сохраняются некоторые авторские особенности правописания и транслитерации. Конъектуры даются в угловых скобках.

Человек из СССР

Драма в пяти действиях

Действующие лица:

Кузнецов, Алексей Матвеевич — коммерсант.

Ольга Павловна — его жена.

Ошивенский, Виктор Иванович — хозяин кабачка,
бывший помещик.

Ошивенская, Евгения Васильевна — его жена.

Марианна Сергеевна Таль — кинематографическая
актриса.

Люля <Рубанская> — ее подруга.

Барон Таубендорф, Николай Карлович —
официант, бывший офицер.

Федор Федорович — официант, бывший офицер.

Помощник режиссера.

Эмигранты, статисты, рабочие и проходящие ноги.

Действие происходит в наши дни в Берлине.

Действие I

Кабачок-подвал. В глубине — узкое продольное окно, полоса стекла, почти во всю длину помещения. Так как это окно находится на уровне тротуара, то видны ноги прохожих. Слева — дверь, завешенная синим сукном, ее порог на уровне нижнего края окна, и посетитель сходит в подвал по шести синим ступенькам. Справа от окна — наискось идущая стойка, за ней — по правой стене — полки с бутылками, и поближе к авансцене — низкая дверь, ведущая в погреб. Хозяин, видимо, постарался придать кабачку русский жанр, который выражается в синих бабах и павлинах, намалеванных на задней стене, над полосой окна, но дальше этого его фантазия не пошла. Время — около девяти часов весеннего вечера. В кабачке еще не началась жизнь — столы и стулья стоят как попало. ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ, официант, наклонившись над стойкой, размещает в двух корзинах фрукты. В кабачке по-вечернему тускловато, — и от этого лицо Федор Федоровича и его белый китель кажутся особенно бледными. Ему лет двадцать пять, светлые во-

лосы очень гладко прилизаны, профиль — острый, движенья не лишены какой-то молодеватой небрежности. Виктор Иванович Ошивенский, хозяин кабачка, пухловатый, тяжеловатый, опрятного вида старик с седой бородкой и в пенсне, прибывает к задней стене справа от окна большущий белый лист, на котором можно различить надпись «Цыганский Хор». Изредка в полосе окна слева направо, справа налево проходят ноги. На желтоватом фоне вечера они выделяются с плоской четкостью, словно вырезанные из черного картона. Если сравнить действие на сцене с музыкой, то эти силуэты ног служат как бы черными музыкальными нотами. Разумеется, проходят они не беспрерывно, а со значительными промежутками. С поднятия занавеса и до той минуты, когда Федор Федорович, при появлении Кузнецова, спустит шторы, проходит всего десять пар ног, из которых две встречные, две непосредственно следуют одна за другой, а остальные проходят поодиночке.

Ошивенский некоторое время прибывает, затем судорожно роняет молоток.

Ошивенский. Чорт!.. Прямо по ногтю...

Федор Федорович. Что же это вы так неосторожно,

Виктор Иванович. Здорово, должно быть, больно?

Ошивенский. Еще бы не больно... Ноготь, наверно, сойдет.

Федор Федорович. Давайте я прибью. А написано довольно красиво, правда? Нужно заметить, что я очень старался. Не буквы, а мечта.

Ошивенский. В конце концов, эти цыгане только лишний расход. Публики не прибавится. Не сегодня завтра мой кабачишко... — как вы думаете, может быть, в холодной воде подержать?

Федор Федорович. Да, помогает. Ну вот, готово! На самом видном месте. Довольно эффектно.

Ошивенский. ...не сегодня завтра мой кабачишко лопнет. И опять изволь рыскать по этому проклятому Берлину, искать, придумывать что-то... А мне как-никак под семьдесят. И устал же я, ох как устал...

Федор Федорович. Пожалуй, красивей будет, если так: белый виноград с апельсинами, а черный с бананами. Просто и аппетитно.

Ошивенский. Который час?

Федор Федорович. Девять. Я предложил бы сегодня иначе столики расставить. Все равно, когда на будущей неделе начнут распевать ваши цыгане, придется вон там место очистить.

Ошивенский. Я начинаю думать, что в самой затее кроется ошибка. Мне сперва казалось, что эдакий ночной кабак, подвал вроде «Бродячей Собаки», будет чем-то особенно привлекательным. Вот то, что ноги мелькают по тротуару, и известная — как это говорится? — ну, интимность, и так далее. Вы все-таки не слишком тесно ставьте.

Федор Федорович. Нет, по-моему, так выходит хорошо. А вот эту скатерть нужно переменить. Вино вчера пролили. Прямо — географическая карта.